

Загадка синей ночи

Н. Михайлова

В темно-темно-синей ночной мгле, в какой человек уже не может видеть, каким-то чудом угадывался каменный утл ограды верхней площадки Каменной лестницы, а за ним таким же непостижимым образом ощущался уходящий вниз спуск, и там, внизу, широкий простор моря, а над ним — небо, с которого не сходило на землю ни единого лучика света. И все же эта мгла не казалась мне страшной. Она была по-своему красивой, давала радость и наслаждение. А в зрительной памяти оставались образы светлой, радостной южной ночи и неба, отражающего игру звездного света, моря, наполненного световыми столбами отражений то ли лунного, то ли звездного сияния.

Я вновь поворачивалась к картине, и вновь — непроглядная тьма нашей летней ночи.

Станный эффект притягивал меня всякий раз, когда я смотрела на «Вид ночью с Каменной лестницы» (художник Д. М. Синоди-Попов). В последнее время эта небольшая работа висит в экспозиции Литературного музея.

Дмитрий Минаевич Синоди-Попов был старшим современником Антона Павловича Чехова, родился художник в 1853 году в греческой семье. Именно его греческое происхождение и послужило поводом для лекций о нем на собрании греческого общества. Высокой культурой рассказа покорила слушателей научный сотрудник картинной галереи Ольга Васильевна Раченко. Человек необыкновенной душевной щедрости, увлеченная темой, она могла, казалось, говорить о художнике без конца.

Семья Синоди-Поповых, дворян средней руки, с маленьким Сашей приехала в Таганрог из Бердянска. Обычный путь миграции греков — вдоль берегов морей Черного и Азовского. Сохранился их дом в Таганроге (ул. Греческая, 84). Здесь прошли отроческие и юношеские годы, а затем Дмитрий Синоди-Попов уезжает в Петербург, где учится в Академии художеств. В Академии таганрожцы появлялись постоянно: в первой половине прошлого века здесь секретарем работал Николай Дмитриевич Алфераки; а во второй половине века сюда приехали учиться Александр Михайлович Леонтовский и Серафима Иасоновна Блонская. Классическое искусство, возвращенное в стенах академии, критически воспринималось молодыми художниками.

Возникает направление передвижников. Отмена крепостного права вызвала интерес к маленькому человеку, к людям из народа и к тому фону, на котором проявлялся характер человека. Появилась на полотнах пейзажистов русская природа. Сравните: в это время во Франции возникает импрессионизм, художники разных стран будто одновременно прозрели и увидели небо, воздух, его краски, оттенки, переливы воздушных струй.

А художник Синоди-Попов, вернувшись в Таганрог, вглядывался и воспроизводил Азовское море, его воду, которая так не понравилась известному живописцу Константину Коровину, что он вообще не стал рисовать Азовское море, посчитав его неинтересным. Вот удивительно живая зеленая бурная волна. Кто катит ее, свернув таким сложным завитком? Это не прозрачная архитектура воды, как у Айвазовского. Здесь непроглядность тайны моря. А какие облака громоздятся над морем! Какие удивительные краски иногда разливаются по небу природа: оно сиреневое, фиолетовое, а море вдруг желтое, будто весь песок с берегов растворился в воде...

Много рисунков в папках в хранилище галереи, но все они носят печать небрежного отношения к ним художника. Не встречая должного отношения к своему таланту, он и сам, видимо, не ценил свои творения. От природы слабая нервная система не выдерживала напряженной работы души и ума.

Художник страдал приступами эпилепсии, дорожил уединением, малое кем сближался, не имел семьи. И только люди искусства были для него родными. Хранятся два прекрас-

ных портрета у нас в галерее — скульптора Леонида Егоровича Егорова и картина «Письмо», для которой позировала С.И. Блонская. Картина эта выставлялась в салонах Парижа и имела успех.

Другой художник, человек иного душевного склада, ходил бы с высоко поднятой головой... Признание в столице искусств Европы! Но Дмитрий Минаевич оставался наедине не со своей славой, а со своей истомленной душой. Непроглядная (для многих) чернота его ночных этюдов была изображением того занавеса, который он хотел бы опустить между собою и людьми, отгородившись от них и от мира в храме искусства, куда он был вхож... Вот откуда впечатление света, открывающегося внутреннему взору, в то время как глаза безрезультатно стараются проникнуть в темноту... Ночные картины Синоди-Попова критики считали неудачными. В то время царил сценический эффект картины Архипа Ивановича Куинджи «Ночь на Днепре», которая демонстрировалась в Петербурге, как ни с чем несравнимый шедевр, в отдельном помещении. Публика шла только на одну картину!

Внешний эффект сильнее эффекта, невидимого глазу, но угадываемого душой, и, как всегда, нет пророка в своем Отечестве. Творчество Дмитрия Минаевича Синоди-Попова оценили в Европе, куда он уехал в 1904 году и откуда присылал на Родину рецензии из европейских журналов. Самые лучшие его работы остались за границей. В 1910 году он погиб от несчастного случая.

Из письма двоюродного брата, жившего за границей: «Мы потеряли замечательного, тонкого художника... К сожалению, у нас таланты признаются только тогда, когда прошумят где-нибудь в другом месте». Таким некрологом газета «Приазовская степь» отозвалась на смерть художника... Надо сказать, что его отъезду за границу предшествовала вспышка популярности в Таганроге после выставки таганрогских художников Николая Чехова, Леонтовского, Крылова, Блонской в 1903-1904 годах. За Дмитрием Синоди-Поповым закрепилась слава портретиста, и таганрожцы поспешили сделать ему заказы. Вот от этой поры осталась целая папка прекрасных эскизов к портретам, которую бережно хранит картинная галерея.

Человек, не сведущий в искусстве, воскликнет. «Как живые!» Искусствовед О.В.Радченко поясняет, что они сделаны очень хорошим материалом — итальянским карандашом, который не закрашивает шероховатости бумаги, и рисунок как бы приобретает объемность, «дышит». Иными словами, в нем схвачен момент жизни человека. И даже через несколько дней после лекции галерея лиц таганрожцев проплывает в воображении очень отчетливо: они будто умолкли на момент, встретив взгляд человека конца 20-го века.

Сохранились и два автопортрета Дмитрия Минаевича Синоди-Попова. Первый—в молодости: мечтательное лицо, несколько наивное и открытое, второй—в зрелом возрасте: художник познакомился со всеми сторонами жизни, которые трудно перенести человеку с тонкой, ранимой душой. И он отгораживается от жизни. Ирония, отчужденность в лице, которое как бы отодвигается от людей как можно дальше в глубину пространства, насколько это позволяет лист бумаги. В этом году исполняется 140 лет со дня рождения таганрогского художника Д.М. Синоди-Попова.